

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТУРЦИИ

Норман СТОУН

ОТ НИЩИХ КОЧЕВНИКОВ СЕЛДЖУКОВ —
К БАИСТАТЕЛЬНОЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Норман Стоун
Краткая история Турции
Серия «Страницы истории (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8373009
Краткая история Турции : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084038-0

Аннотация

От нищих кочевников сельджуков – к блистательной Османской империи, завоевавшей всю Южную и часть Центральной Европы и весь исламский Восток, потом к медленной гибели империи, и, наконец, к процветающему, современному государству, гармонично сочетающему в себе черты Запада и Востока, – такова история Турции.

Как же удалось Турции оправиться после позорного поражения в Первой мировой войне, в результате которого она лишилась всех своих земель на Ближнем Востоке и арабских территориях?

Как удалось избежать конфликта между исламскими традициями и проевропейским, прозападным правительством?

Как в этой стране сочетались – и до сих пор сочетаются – разумный консерватизм и стремление к прогрессу?

На эти и многие другие вопросы отвечает превосходно написанная книга Норманна Стоуна.

Содержание

Краткая история	4
Введение	4
Прелюдия	8
Часть первая	11
Часть вторая	22
Часть третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Норман Стоун

Краткая история Турции

Краткая история

Введение

Константинополь, столица поздней Римской империи, занимал господствующее положение в мировой торговле, так как имел самую лучшую природную гавань, расположенную между Европой и Азией. После в 1453 года он стал столицей новой империи – Османской (Оттоманской) или Турецкой, а удачное положение города очевидно до сих пор. Я пишу эти строки, как раз глядя сверху на Босфор и видя сотни кораблей, проходящих по нему каждый день. Среди них есть даже огромные танкеры или контейнеровозы из Китая, прокладывающие свой путь к Черному морю или из него. Следы имперского прошлого Стамбула видны повсюду – от Айя Софии (Святой Софии), великой церкви христианского Рима VI века, до впечатляющей мечети, возведенной турецкими султанами.

Османская империя остается призраком, преследующим современный мир. Она исчезла с карты в конце Первой мировой войны, и огромное пространство, на котором она когда-то господствовала, стало испытывать одну проблему за другой. Начиная с XIV века империя расширялась от территории, где теперь расположена северо-западная Турция, и стала мировой державой, растянувшейся от атлантического побережья Марокко до реки Волга в России и от нынешней границы между Австрией и Венгрией до Йемена и даже до Эфиопии. В XVIII веке империя уступила России первенство на Черном море и на Кавказе; в XIX она потеряла Балканы, где возникли национальные государства, из которых самым известным стала Греция; в XX веке она потеряла арабские земли. Балканы и Средний Восток обеспечивают миру множество проблем еще с тех пор, и таким образом даже в наши дни существует определенная ностальгия по Османской империи.

Лоуренс Аравийский, англичанин, много сделавший в 1916 году для разжигания мятежа арабов против турок – так их называли иностранцы, хотя сами они стали использовать это слово лишь позднее – удивлялся, глядя на Ирак, когда британцы захватили его в 1919 году. Его поражало, почему эта местность оказалась в таком убийственном конфликте всех против всех: у британцев была армия в 100 000 человек, оснащенная танками, самолетами и отравляющими газами, в то время как турки поддерживали мир в трех иракских провинциях Басра, Мосул и Киркук при помощи лишь 14 000 местных ополченцев и всего девяноста казней в год.

Точно такое же наблюдение можно было бы сделать и относительно Палестины, где британцы после тридцати лет попыток привести к согласию арабов и евреев в конце концов отступились и позволили заниматься этим Объединенным Нациям. Балканы (а также Кавказ по тем же причинам) демонстрируют другой вариант той же самой головоломки. Османская империя сохраняла мир, или, по крайней мере, держала проблему под контролем. Это хорошо сравнимо, скажем, с Британской Индией, которая – хотя вице-король в 1904 году считал, что она просуществует вечно – прожила менее века.

Британская Индия также увенчалась развалом, в результате чего возник Пакистан как исламское государство. Он, в свою очередь, тоже разделился, когда откололась Бангладеш, и мир не особенно удивился бы, если бы распался сам Пакистан – по аналогии с развитием ситуации в Афганистане.

Это ставит центральный вопрос, касающийся современной Турции. Летопись ислама в современном мире небыстречна. Даже если счесть слишком резкой формулу молодого турецкого историка, исследователя Центральной Азии Хасана Али Карасара «Ислам, политика и экономика: выбери два», то вопрос все равно останется довольно серьезным. Османской империи и Турецкой республике, которая сменила ее в Анатолии, пришлось бы серьезно поразмышлять, чтобы дать на него ответ. До какой степени успех османов базировался на исламе? Или следует читать это по-другому и просто сказать, что османы были успешны, когда их ислам не воспринимался слишком серьезно?

Турки-республиканцы были твердо убеждены, что религию нужно отделить от государства, ибо они считали ее важнейшим препятствием для развития. Когда в 1923 году они устанавливали республику, их моделью была Франция, где церковь и государство были разделены в 1905 году, и монахи были изгнаны из монастырей силой оружия. Католическая церковь присоединилась к облыжному обвинению еврея Альфреда Дрейфуса в шпионаже и заплатила за это.¹

Но во Франции существовала давняя традиция антиклерикализма, и решительные республиканцы доказывали, что католицизм отвечает за упадок в стране и за то, что нацию обогнали Англия и Германия. В Италии и в Испании многие думали так же. Сейчас Турция ищет членства в Европейском Союзе, и если и существует для нее страна, которую можно считать братской, то это Испания – бывшая мировая империя с семью веками ислама за спиной, а затем национальное государство с сильными военными принципами, всегда лежащими под самой поверхностью. Турция не переживала гражданской войны, как Испания – но ее опыт в Первой мировой войне предполагает некоторые страшные параллели.

Создатели Республики враждебно относились к османскому наследству, и в 1924 году несколько сотен членов правившей династии были высланы за границу с двумя тысячами долларов на каждого; мужчинам не позволялось вернуться назад вплоть до 1970-х годов. У Пруста есть аллегория: некто смотрит на историю, как смотрел бы новорожденный цыпленок из осколков скорлупы, в которой он был заключен. В конце концов, именно республиканцы выиграли войну за независимость, и это стало первой реальной победой турецкого оружия с 1917 года – триумф, рожденный из огромного бедствия. Султан готов был пойти на условия западных государств, и в первую очередь Британии, как пошел Ага-Хан², поэтому республиканцы отвергли его и его наследие. Айя София была превращена в музей, а исламистов безжалостно выгнали из университета, заменив на знаменитую группу эмигрантов из гитлеровской Германии, с которой я и начинаю книгу.

Турецкая республика переживает значительный успех, особенно с 1980 года, когда здесь произошел военный переворот, сопоставимый с переворотом Пиночета в Чили. Ниже я расскажу о двух инженерных проектах мирового уровня. Первый – это туннель под Босфором по типу туннеля под Ла-Маншем, который будет пропускать скоростные поезда из Анкары в Европу. Второй проект еще масштабнее. Ранее Восточная Турция оставалась абсолютно неразвитой, кроме отдельных областей. Теперь крупные плотины, построенные на библейских реках Тигр и Евфрат, не только снабжают водой поля и дают электричество, но также обеспечивают здесь что-то вроде социальной революции, потому что новый уровень

¹ Справедливости ради следует указать, что «дело Дрейфуса» было далеко не главным поводом для нападков на церковь. Во Франции католическая церковь пользовалась особыми привилегиями, получала финансирование от государства («бюджет культов»), но при этом ее учреждения (в первую очередь монастыри) обладали правами экстерриториальности, то есть фактически не подчинялись французским законам. Это, и в особенности сообщения о насильственных удержаниях людей в монастырях и даже об убийствах (никем и никогда не расследованных), вызывало возмущение общественности и в конце концов привело к «репрессиям» против католической церкви и монахов. (*Прим. ред.*)

² Имеется в виду Ага-Хан III (1877–1957) – 48-й имам исмаилитов, основатель Индийской мусульманской лиги, видный национальный деятель мусульманской части Британской Индии. Был членом Тайного совета Великобритании, возглавлял делегацию Индии в Лиге Наций, в 1937–1938 годах был председателем Лиги Наций. (*Прим. ред.*)

процветания поднимает эту (в основном курдскую) область Анатолии до мирового уровня, в отличие от соседей на востоке и юге.

Однако республика столкнулась с проблемами, которые стоят перед лицом всех образованных людей: дети пожирают родителей. Сторонников светского образования сменили анатолийцы, зачастую религиозные, вдобавок появилось множество вопросов по поводу самоидентификации турок.

Если вы турок, вы должны задаться вопросом, чему вы этим обязаны:

- 1) древним турецким народным традициям;
- 2) Персии;
- 3) Византии;
- 4) исламу;
- 5) какого рода исламу;
- 6) либо же сознательной вестернизации.

Не слишком счастливая сага о попытках Турции присоединиться к Европейскому Союзу выносит все эти вопросы на первый план. Но существует еще один важный фактор, задающий условия полемики: большая часть Турции теперь вполне процветает, и в экономическом смысле она стоит больше, чем некоторые бывшие коммунистические государства, члены Европейского Союза, а также Испания, которая сильно сдала экономически.

Первые руководители Республики были полнейшими прозападниками, одновременно имея идеологическую базу в турецком национализме и в стремлении убрать из общественной жизни влияние религии, которую считали мракобесием. Но это было вовсе не простым делом. Благосостояние понемногу распространялось и пробуждало спящие провинциальные города в Анатолии. Их политикой была религия, Турция же управлялась – и управлялась не слишком плохо – правительством, которое ставило себе в качестве образца европейскую христианскую демократию. Это давно вызывало сильное разноречие во мнениях, и в наши дни возбуждает исключительный интерес к истории страны: даже водители такси всегда готовы порассуждать об этом.

На деле комментарии тут не для посторонних людей, и я решительно воздержусь от них; скажу лишь, что современная Турция переживает некий вариант того, что происходило в XIX веке при султанах Абдул-Гамиде II. Я, конечно, не знаю, каким будет результат. Сам взгляд на эпоху Абдул-Гамида сейчас подвергается пересмотру. Это правда, что в его время существовало сильное взаимодействие с Западом, тогда как империя оставалась основанной на религии – по крайней мере, в теории. Тогда в Турции была создана новая система образования и возникла техническая интеллигенция, что было так важно для Республики. Эта техническая интеллигенция и армия восстали против Абдул-Гамида, и вариант этого конфликта мы все еще можем наблюдать.

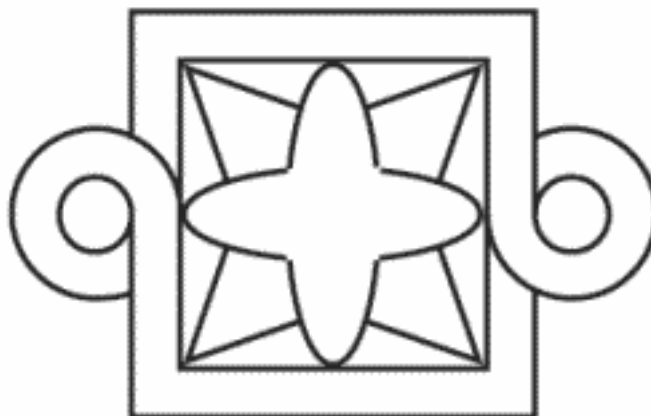
Я надеюсь, что смог проследить в настоящей книге шесть факторов, обусловивших возникновение сегодняшней Турции. Это трудно даже для долго прожившего тут иностранца, такого, как я – но турецкие друзья, вольно или невольно, многое рассказали мне. Они понимали, что я не могу просто сделать один из длинных перечней, который излагал бы очередной шаблонный набор таких утверждений. Я лишь скажу, что меня всегда ужасно раздражало преподавание в университете Билкент, особенно на студенческом уровне. Да, я остался в дружеских отношениях с некоторыми тамошними аспирантами, когда мы все стали старше, а я каким-то образом смог достичь уровня турка, при котором водители такси перестали в замешательстве качать головами от моих османских слов с шотландским акцентом.

Я с особой любовью вспоминаю свой еженедельный семинар по европейской истории в университете Богазичи. Мне повезло, что двое из моих бывших студентов, Хасан Али Карасар, теперь мой коллега по Билкенту, и Мурад Сивил-оглы, теперь работающий в Питер-

хаузе, Кембридж, прочитали мою рукопись – как Эндрю Манго и маститый специалист по истории Турции. Фахри Диккая в Билкенте уберег меня от грубых ошибок, касающихся ранней Османской империи, археологию которой он великолепно знает. Если какие-то ошибки и проскочили, то потому, что их прозевал еще Гомер. Мне остается также поблагодарить замечательно умелую команду в издательстве «Темза и Гудзон» и моего агента Каролину Мишель за организацию командировки, которая меня многому научила.

Замечания по терминологии

Я твердо верю, что в исторических книгах должны быть использованы исторические имена, и, конечно, никогда не имел намерения кого-то обидеть. Так, названия «Константинополь» и «Смирна» использовались вплоть до падения империи, так же как «Алеппо» и «Салоники» являются стандартным вариантом написания этих городов. Также я опустил диакритические знаки в османских транскрипциях. Они имеют смысл, только если вы способны читать оригинал.

Прелюдия

Фриц Ноймарк написал одну из самых замечательных книг на немецком языке – свои воспоминания о Турции, «Убежище на Босфоре» (*Zuflucht am Bosphorus*). Он не был романтиком, но описывает, как в конце лета 1933 года прибыл на корабле в Стамбул. В те дни это был необыкновенно зеленый, полный деревьев город. Вы двигались мимо Голубой мечети, затем мимо Айя Софии и дворца Топкапи, и останавливались в бухте Золотой Рог при входе в Босфор, в Галате, над которой высилась средневековая итальянская башня, узнаваемая благодаря картинам эпохи Ренессанса. Грузчики-курды доносили ваш багаж до состоящей из ступенек улицы в греческой *Скалакии*, и вы поселялись в Парк-отеле – здании в виде свадебного торта в стиле арт-деко, рядом со старым немецким посольством.

Вскоре после прибытия Ноймарку пришлось посетить прием, данный министром иностранных дел: если вам нужен был вечерний костюм, греческий портной шил его за три дня. Беженец из нацистской Германии, Ноймарк нашел место в новом университете в Стамбуле, обучая студентов тонкостям финансов.

Примерно тысяча таких немцев прибыла в Турцию в это время, и какое-то время казалось, что их будет возглавлять Альберт Эйнштейн, который собирался принять здесь кафедру теоретической физики – хотя в конце концов он ее так и не принял, поскольку рассчитывали, что он будет преподавать, а он преподавать не хотел; вместо этого он отправился в Принстон... Однако другие прибывшие немцы тоже были достаточно заметными личностями, и в течение десяти лет или около того новый Стамбульский университет претендовал на звание лучшего в мире.

Экономику здесь преподавал Вильгельм Рёпке, позднее ставший архитектором послевоенного немецкого экономического чуда; философию математики преподавал Ганс Райхенбах, который к тому же организовал турецкую лыжную команду. В своем роде гордостью этой коллекции являлся Гельмут Риттер – очень сложный, неприятный и противоречивый человек, который в Первую мировую войну служил в немецкой разведке. Он знал арабский и персидский языки до такой степени, что работал экспертом по мистической исламской поэзии; его уволили из Восточного института в Гамбурге за гомосексуализм (учитывая время и место, это должно было случиться гораздо раньше), после чего он отправился в Турцию, где первоначально зарабатывал на жизнь, играя на виолончели в струнном квартете на вокзале в Анкаре. Затем он стал библиотекарем Стамбульского университета, где приводил в порядок каталог, который до его прихода содержал крохотный старичок с бородой, неразборчиво записывая поступления на обрывках бумажек и складывая их в ящик.

Группа поддержки этих немцев также была очень высокого качества – в нее входил Карл Эберт, художественный директор и основатель Гинденбургской оперы, который в 1936 году создал школу оперы и драмы в консерватории Анкары, и композитор Пауль Хиндемит, который помог перестроить систему музыкального образования в Турции. Самой яркой звездой из всех них был Эрнст Рейтер, позднее мэр Западного Берлина во время советской блокады и воздушного моста 1948 года. Его спасли из концентрационного лагеря английские квакеры, и в 1935 году он отправился в Анкару преподавать городское планирование.

Его турецкий язык был настолько хорош, что он принимал участие в комиссии по реформированию языка, целью которой была замена арабских и персидских слов на соответствующие старые турецкие, которые, как считалось, Рейтер знал, так как был военнопленным в Центральной Азии в 1917 году. Может быть, он просто придумывал их. Кроме того, в Анкаре с большим уважением вспоминали его, как очень высокого человека в берете, разъезжавшего на старомодном велосипеде, а о его любовных связях ходило множество сплетен.

Сама Анкара признавалась европейцами из Центральной Европы вполне современной столицей: профессором Германом Джансенем – за планирование (разумное) и профессором Клеменсом Хольцмейстером – за исполнение (тоже разумное, но в итоге потерпевшее неудачу).

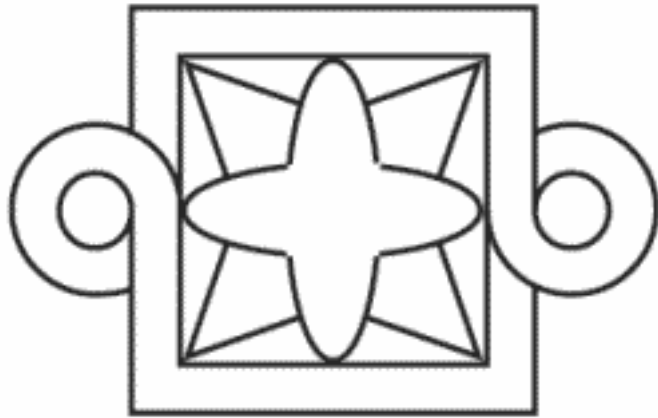
Турция нуждалась в этих людях, потому что была погружена в радикальную программу культурной, экономической и военной вестернизации. Сегодняшняя Турция, республика, объявленная в 1923 году примерно в тех же границах, что она имеет сегодня, являлась сердцем Османской империи, которая в период максимального расширения располагалась на трех континентах. Затем она пережила упадок, завершившийся падением в ходе Первой мировой войны. Сегодняшняя Турция появилась как результат национального сопротивления, и ее лидеры понимали, что ради избежания дальнейшего падения требовалось провести модернизацию.

Самая крупная реформа коснулась языка и была проведена в 1928 году. До того времени турецкий язык записывался арабским шрифтом и содержал большое число арабских слов, а там, где дело касалось эмоций и пищи – персидских. Однако арабский язык гортанный, всего с тремя гласными звуками, в то время как в турецком их восемь; вдобавок много трудностей связано с согласными звуками, так как в арабском языке присутствует четыре варианта «z». Если вашей целью является сделать грамотными массу людей, то для турецкого языка гораздо больше подходит латинский алфавит или даже кириллица.

Как часто случается в Турции, созидательной силой здесь оказалась армия. В Первую мировую войну, если требовалось отослать закодированную телеграмму, приходилось передавать оригинал французскими буквами, затем ее кодировали и посылали азбукой Морзе – точками и тире, а затем расшифровывали на другом конце. Офицеры уже высказывались по поводу того, что данный процесс следует упростить, и через десять лет после окончания войны это произошло: за один месяц алфавит латинизировали.

В итоге грамотность действительно распространилась должным образом, и сегодня в Турции каждый год делается 11 000 переводов с иностранных языков, в то время как на Среднем Востоке эта цифра составляет 300. Турецкие писатели вышли на мировую арену очень рано – «Рыбак из Галикарнаса»³ стал бестселлером в Англии еще в 1940-х годах, так же как книги Орхан Памука сегодня. Но была и оборотная сторона: огромная часть литературной традиции оказалась утеряна, и в старом имперском Доме Прикладных наук – тогдашнее официальное название университета студенты сопротивлялись реформе, всячески затягивая переход на новые нормы. В 1932 году заведение было просто закрыто, и это объясняет прибытие такого большого количества иностранцев. То, что Гитлер выгнал из страны так много лучших немцев, было в этом смысле бонусом. Но они оказались лишь последними в длинной череде иностранцев. Выдающийся турецкий поэт XX века Назым Хикмет – внук высланного поляка – написал знаменитые строки о Турции: «простирающаяся из Азии и вытянувшаяся, как голова кобылы, в Средиземное море».

³ «Рыбак из Галикарнаса» (*Халикарнас Балыкчысы*) – псевдоним турецкого писателя Джевата Шакира Кабаагачлы (1886–1973), автора романов и рассказов из жизни обитателей турецкого побережья. (*Прим. ред.*)

Часть первая Происхождение

Главным украшением Османской империи был дворец Топкапи, расположенный на маленьком полуострове – том самом, который обогнул корабль Фрица Ноймарка на пути к причалу в гавани Золотой Рог. Этот дворец отличается от всех прочих: он огромный по площади, но не по высоте. Располагается он в пригороде, имеет множество павильонов, некоторые из которых весьма замысловатой формы и называются *kosk* (отсюда произошло наше собственное слово «киоск»), и это отражает понимание правителями своего происхождения. Дворец – это продуманная версия палаточных шатров вождей степных кочевников, а символом османов когда-то был конский хвост: чем больше их висело на палатке, тем выше был ранг; когда армия находилась на марше, палатки часто представляли собой огромные произведения искусства. Наилучшая экспозиция этих палаток находится в Кракове, где они были захвачены после осады Вены в 1683 году.

Первые турки пришли из района Алтая в Центральной Азии, на западной границе теперешней

Монголии, и могли иметь некоторых отдаленных предков даже за Беринговым проливом, на Аляске – эскимосское слово «медведь» звучит очень похоже на турецкое – *ayt*. Первое письменное упоминание турок – китайское слово *tyu-kyu*, известное со II века до нашей эры; впоследствии это название регулярно появляется в китайских источниках VI века. Оно обозначало племена охотников и воинов, регулярно совершавших налеты на земли более цивилизованных народов; слово «тюрк» было названием самого мощного из этих племен и означало «сильный человек».

Эти охотники, близкие к монгольской расе и, вероятно, также к гуннам, распространились по огромным равнинам Центральной Азии и доставляли китайцам много проблем. Иногда они создавали степные империи, которые существовали поколение-другое, прежде чем поглощались более оседлыми народами. Большая часть китайской истории рассказывает о битвах на длинных открытых границах; так была осознана необходимость строительства Великой Стены.

Степная империя, которая наконец-то возникла, принадлежала уйгурам и появилась около 800 года нашей эры, она переняла от китайцев письменность и еще очень многое. Существовали династии с очевидными тюркскими предшественниками – включая легендарного Кубла-хана (Хубилай – достаточно обычное имя в Турции), который в 1272 году построил Ханбалык – «город правителя», современный Пекин.

Некоторые из этих турецких легенд могут быть не более чем романтическими спекуляциями. Означает ли «киргиз» турецкое «сорок два» [племени] или что-нибудь еще, вроде «кочевника»? В XII и XIII веках Марко Поло называл китайский Туркестан «Великой Турцией», и происхождение некоторых азиатских названий действительно очевидно: река Енисей в России берет свое имя от *yeni su* («ени чай») или «новая река», а прежнее название Сталинграда⁴, Царицын, не имеет ничего общего со словом «царь», а происходит от *sari su* («сары-су») – «желтая вода». Существует и несколько странностей, например, «тундра» – это *dondurma*, что в наши дни означает «мороженое».

Конечно, лингвистические предшественники старого турецкого языка во многих случаях возникали далеко друг от друга, хотя анатолийские турки утверждают, что киргизский язык очень легкий для заучивания, несмотря на тысячи миль, разделяющих эти районы.

⁴ Так в оригинале. (Прим. ред.)

Турецкая грамматика систематическая, но отличается от английской в предлогах, временах и тому подобных добавлениях к основному слову; гласные здесь меняются в зависимости от доминантной гласной главного слова. Это можно лучше проиллюстрировать на слове «*pastrami*» – одним из немногих слов, которое дошло до нас от старо-турецкого. Это итальянская версия исходного слова *pastirma* – продающаяся в виде очень тонких пластинок высушенная говядина, в слое специй, основной из которых является тмин – *semen* (чемен). *Pas* – это основа глагола, означающего «прессовать». *Tir* (i без точки произносилось примерно как французское «ei» и отмечало перемену гласной, которая используется после «а»), указывало на причинную связь, и *ta* (также перемена гласной: оно могло читаться как *te*) превращает все это в вербальное существительное или герундий. Так называлась пища, хранящая под седлом, она поддерживала верховых лучников-кочевников при передвижении на сотни миль по степям Центральной Азии.

Самые ранние тексты, написанные на тюркском языке (еще доарабским алфавитом), датируются VIII веком, они найдены у озера Байкал и относятся к *dokuz oguz* – «девяти племенам». Но очень скоро стала преобладать уйгурская версия языка, которая записывалась вертикально, в китайской манере; она использовалась в дипломатической корреспонденции великого монгольского завоевателя Чингисхана (ок. 1167–1227).⁵

Эти ранние тюрки не оставили литературного следа, и их следует изучать, используя внешние источники – китайские, персидские, арабские, византийские. Они двигались на запад и юго-запад, к великим цивилизациям на периферии Центральной Азии. Они приходили волнами, в ритме приливов и отливов, как мы увидим далее. В начале XIII века Чингисхан возглавил федерацию родственных племен монголов и тюрков (или татар). Веком позже прославился его наследник – полководец тюркского происхождения Тамерлан⁶ (ок. 1336–1405), еще один нарушитель мирового равновесия (*Timur* – вариант слова, означающего «железный», а *lenk* означает «хромой»). Чингис-хан и его потомки захватили Китай, большую часть России и Индию; слово «Могол» является искаженным «монгол»; на тюркском Тадж-Махал означает «Квартал Короны», а название пакистанского языка урду происходит от слова *ordu*, означающего «армия». Существует знаменитая французская книга на эту тему, «Степная империя» Рене Груссе (1939), в которой прослежено влияние тюрков по всему региону, включая Афганистан, где вас часто могут понять, если вы используете турецкий язык. Но самая важная связь, касающаяся анатолийских тюрков – это связь с Персией. Персидская цивилизация была самой высокой и развитой в истории всего Среднего Востока, давно идет полемика о взаимоотношениях с ней тюрков – спорят не только о культурных заимствованиях, но и о судьбе самого ислама.

В начале VIII века тюркские купцы уже появились в Персии, а также в Багдаде, тогдашней столице халифата, объединившего всех мусульман мира. Некоторые тюрки доходили до Сирии и Египта. Однако поворотный момент наступил в конце X века, когда одно из племен огузов (западных тюрков) прибыло на персидские окраины. Его вождь был одним из сельджуков, что означает по-арабски «маленькое наводнение». Тюрки принесли с собой свою религиозную атрибутику, которая берет начало в Сибири: шаманизм с его жрецами, тотемы сокола и ястреба – *tugrul* и *cagri* – эти слова все еще используются как фамилии.

В 1055 году тюрки оказались в Багдаде и встроились в государственную структуру: их вождь Тогрул Бей в почтенном возрасте женился на дочери халифа, церемония эта про-

⁵ Буква *g* не произносится: она только удлиняет предыдущую гласную. Транскрипция таких турецких звуков, как *s* и *i*, потребовало глубокого размышления еще в 1920-х годах. Некоторая помощь пришла от венгров, которые стояли примерно перед такой же проблемой. Их звук *gy*, произносимый более или менее как «*dj*» на английском, но более резко, представили как *s* в турецком. (Прим. авт.)

⁶ Тамерлан – искаженное европейским произношением Тимур-ленг, чаще он именуется просто Тимуром. Следует заметить, что Тимур не был чингизидом. (Прим. ред.)

водилась по тюркскому обряду; как рассказывает французский историк Жан-Поль Руж, ее можно было сравнить с свадьбой африканского вождя и принцессы Габсбургов, проводимой под звуки тамтамов.

Главным приемом тюркских воинов было встроиться в уже существующую цивилизацию в качестве военной элиты и в итоге захватить власть над старым государством. Они великолепно умели адаптироваться и учиться у людей, к которым поступали на службу. В ряде случаев (хотя далеко не всегда) они перенимали и их религию. На службе у монголов это был буддизм или какая-то форма христианства; в Индии или Персии это оказался ислам, который в те времена (примерно около 1100 года) являлся признаком наиболее развитой цивилизации – особенно это демонстрирует архитектура Самарканда. Персы, наследники одной из великих цивилизаций мира, оказались под властью тюркской аристократии и до настоящего дня удивляются, почему турки сначала смогли выстроить огромную империю, а затем – эффективное современное государство, в то время как иранцам это не удалось (в современной Турции проживает миллион иммигрантов из этого региона).

Самым интересным синтезом является Россия. Наполеон, как известно, сказал: поскреби русского – найдешь татарина. Россия в XIII веке на два столетия попала под власть монголов или татар (первоначально, как и с «тюрьками», это было всего лишь название наиболее сильного племени). До трети старой русской аристократии имело татарские имена: Юсупов (от «Юсуф») или Муравьев (от «Мурад»), а Иван Грозный происходил от Чингиз-хана. Татары знали, как строить государство – это отразилось в русских словах «наручники» и «казна».

В конечном счете русские цари набрались опыта у татар, и Москва оказалась в этом успешнее остальных княжеств. В 1552 году Иван Грозный завоевал татарскую столицу Казань на Волге. Опытные политики XIX века представляли русскую историю как некий крестовый поход, в котором возмущенные крестьяне освободили себя от «татарского ига». Но слово «иго» впервые было употреблено только в 1571 году, когда православная церковь попыталась сопротивляться Ивану Грозному, который использовал татар для построения государства, не терпевшего притязаний православия. До этого отношения с татарами складывались куда более сложно, включая смешанные браки.

Персидские турки назывались «великими сельджуками», а их меньшие братья, еще во многом кочевники, вторглись в Анатолию. Их вождь, Алп-Арслан (правил в 1064–1072 годах) на самом деле вел свою орду (это слово снова происходит от *ordu*) в Сирию, богатую страну того времени. По пути его люди прощупали восточные границы Византии, восточной части бывшей Римской империи, и разорили зависимые от Константинополя христианские государства Южного Кавказа. Император Роман Диоген легкомысленно решил двинуть свою армию на самый восток империи. В 1071 году состоялась битва при Манцикерте (ныне Малацгирт), в непримечательном месте на высоком плато к северу от озера Ван. Византийцы потерпели поражение, что привело к серьезному ослаблению их влияния в восточной и центральной Анатолии.

В течение следующих двух веков турки-сельджуки утвердились в большей части Анатолии, хотя и не смогли захватить ее всю; Византия же оказалась ограничена областью Константинополя, частью Балкан и несколькими участками на побережье.⁷

Сельджуки оставили христианское население Анатолии в покое. В Каппадокии, примерно в четырех часах езды на восток от Анкары, существуют долины, где христиане жили спокойно, строя в горах церкви с фресками, которые ныне стали одними из самых посещаемых туристских мест. Иконы, нарисованные в эру возрождения Византии, в X и начале

⁷ Заметим, что именно через 200 лет после Манцикерта, то есть к 1270 году, Византия переживала новый подъем, она контролировала большую часть Балканского полуострова и западную половину Малой Азии. (*Прим. ред.*)

XI вв, имеют великолепное качество, и одна из них была забрана в только что христианизированную Россию в качестве Владимирской богородицы. Правда, после завоевания сельджуками фрески стали примитивными, но все равно они являются свидетельством того, что турки построили толерантную и законопослушную цивилизацию. Они не были заинтересованы в подавлении других религий, и в любом случае их было слишком мало при основном христианском населении этого региона. Здесь существовало много смешанных и браков, и торговых интересов. Византийская принцесса, образованная Анна Комнина, сказала в XII веке, что население Анатолии делится на греков, варваров и «полуварваров», имея в виду именно турок в смешанных браках.

Сельджукская столица Конья (старый римский Икониум) и другой большой город, Кайсери (старая Кесария в Каппадокии), имели несколько великолепных зданий в стиле построек Самарканда и Бухары в Средней Азии.⁸ Здесь были возведены грандиозные мечети, к которым иногда примыкали школы, госпитали и другие подобные заведения. Но ранние турки не были знатоками и поклонниками религиозных правил. Они были больше склонны строить маленькие молельни, чем громадные мечети, что больше соответствовало их версии ислама. Их женщины ходили, не скрывая лиц, сами турки пили вино и много танцевали – к ужасу арабского путешественника XIV века Ибн Баттуты.

В конце концов Византия пала, но гибель ее пришла с Запада, а не с Востока. Всегда существовало соперничество между Римом и Константинополем, и оно становилось все жестче, потому что папа, как епископ Рима, объявил себя главой всей церкви. Византия развила собственную форму христианства – православие. Западные крестоносцы – «латиняне», объединившиеся нормандцы и венецианцы напали на Византию в 1204 году и разрушили ее.

Это событие стало решающим. До того Византия опережала Запад в области технологий, и западноевропейцы прибыли в Константинополь как разинувшие рот провинциалы. Византийцы имели грозное оружие – «греческий огонь», представлявший собой метательную горючую смесь из нефти, которая поджигала корабли; с ней они отбили несколько осад. Но в 1204 году венецианцы, участвовавшие в том, что стало известно под именем Четвертого крестового похода, научились обрабатывать кожу химическими средствами, так что их корабли и осадные башни стали неуязвимыми для «греческого огня». Они перебрались через высочайшую стену, построенную императором Феодосием в V веке, и разграбили город. В великой церкви Христа Вседержителя, где были захоронены императоры Комнины (теперь это мечеть Зейрек), были ободраны все гробницы, и сегодня единственным остатком их великолепия является крохотный золотой штырек, расположенный слишком высоко в стене, чтобы его смогли вырвать.

Следующие два века Византия находилась под латинянами, и хотя она восстановилась, но оказалась сломлена. Реально ею управляли венецианцы и генуэзцы, боровшиеся друг с другом за торговлю на Черном море (турецкий берег его все еще усеян руинами их крепостей, а башня Галата, которая возвышается над стамбульским портом, была частью генуэзских фортификаций). Образовалось четырехугольное противостояние: византийцы, венецианцы, генуэзцы и турки.

Подъем турок-сельджуков закончился в начале XIII века с монгольским вторжением. Монголы тоже были в некотором роде тюрками, а Чингисхан оказался гениальным завоевателем. Никто не мог победить их кавалерию, вооруженную луками, а сами монголы оказались весьма способны к обучению. Умело используя иностранцев и их знания в области военной техники, они осаждали и разрушали город за городом. Если противник сдавался,

⁸ На большинстве из них изображен двуглавый орел. Из-за гербов России и Австрии можно посчитать, и небезосновательно, что он византийского происхождения и отражает разделение Римской империи (с ее одноглавым орлом) на две – с Римом и Константинополем в качестве столиц. Но это не так. В замечательном музее Анкары, посвященном анатолийской цивилизации, есть оригинал, и он помечен «Хетты, 2000 до н. э.». (Прим. авт.)